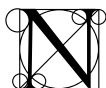

Флинн Берри

Флинн Берри

В ОПАСНОСТИ

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б51

Серия «Психологический триллер»

Flynn Berry

UNDER THE HARROW

Перевод с английского С. Алукард

Компьютерный дизайн В. Воронина

Печатается с разрешения издательства Penguin Books,
an imprint of Penguin Publishing Group,
a division of Penguin Random House LLC
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Берри, Флинн.

Б51 В опасности : [роман] / Флинн Берри ; [пер.
с англ. С. Алукард]. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 288 с. — (Психологический триллер).

ISBN 978-5-17-103294-4

Респектабельный городок неподалеку от Оксфорда потрясло жестокое убийство местной медсестры Рейчел, заколотой в собственном доме...

А ее сестре Норе, приехавшей из Лондона, начинает казаться, что полиция работает спустя рукава – будто не особенно стремится найти преступника.

Отчаявшись добиться толка от представителей закона и руководствуясь единственной зацепкой – фразой Рейчел о том, что в городке творится нечто странное, – Нора решает провести собственное расследование.

И в своей неистовой жажде найти виновного даже не подозревает, сколько скелетов ей предстоит вытащить из чужих шкафов и сколько опасных тайн раскрыть...

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-103294-4

© Flynn Berry, 2016
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2017

Послушай, никакие уловки нам не помогут. Нам отсюда не убежать, мы в безвыходном положении.

*Клайв Стейплз Льюис.
«Исследуя скорбь»*

Часть 1

«ОХОТНИКИ»

Глава 1

В Ист-Райдинге пропала женщина. Она исчезла в местечке Гедон, где мы сами выросли. Когда Рэйчел об этом узнает, она подумает, что во всем виноват он.

На ветру поскрипывает вывеска паба «Сюрприз», изображающая изящный парусник на фоне зеленого моря. Заведение расположилось на тихой улочке в Челси. Закончив работу на Фин-стрит, я зашла сюда пообедать и выпить бокал белого вина. Я работаю помощником эксперта по ландшафтному дизайну, мы оформляем лужайки. Все они выглядят так, словно ими никто никогда не занимался.

На телеэкране корреспондент проходит через тот самый парк, где в последний раз видели пропавшую женщину. За пределами города по холмам рассредоточились полицейские с собаками. Можно рассказать об этом вечером Рэйчел, хотя это испортит мой визит к ней. Возможно, это не имеет от-

ношения к тому, что произошло с ней самой. Может, этой женщине вообще никто не сделал ничего плохого.

Строители в доме напротив перекусили, побросали к ногам скомканную в шарики бумагу и теперь лениво развалились на ступеньках лестницы под холодными солнечными лучами. Я могла бы уже отправиться на поезд в Оксфорд, но продолжаю сидеть в баре в пальто и шарфе, а детектив с вокзала в Галле тем временем опрашивает народ в надежде раздобыть нужную ему информацию о пропавшей.

Потом в новостях передают репортаж о шторме на севере страны, и я ухожу из бара, оставляя позади висящую вывеску, сворачивая на следующем углу в сторону Роял-Хоспитал-роуд. Я прохожу мимо ухоженных скверов Бертон-Корт, минуя агентство по продаже недвижимости. В Кенсингтоне домики яркие и солнечные. Сама я до сих пор живу в Килберне, в районе высоток, там, где лестничные пролеты всегда пахнут свежей краской и чайки пикируют рядом с балконами. Сада у меня нет, что вполне очевидно. Сапожник без сапог...

По Слоан-стрит едут черные такси. На стенах зданий отражаются неясные световые круги от окошек напротив. В витрине книжного магазина выложена целая стопка книг — демонстрируется новый перевод «Тысячи и одной ночи».

В одной из сказок волшебник пьет зелье из травы, которое приносит ему вечную молодость. Проблема в том, что эта трава растет только на

вершине горы, и поэтому каждый год волшебнику приходится заманивать туда юношу. Скинь мне эту траву вниз, просит он молодого человека, а потом я поднимусь за тобой. И юноша послушно кидает ему траву. Чем история заканчивается, я уже не помню. Вот в чем проблема: я забываю окончание почти всех историй, кроме самой важной — той, в которой говорится, что Шахерезада жива.

Несколько минут поездки на метро, и снова я выхожу на улицу, поднимаюсь по ступеням вокзала в Паддингтоне. Покупаю билет, а в «Уислстопе» беру бутылку красного вина.

На платформе уже гудит двигатель поезда. Я хочу, чтобы Рэйчел переехала жить в Лондон. «Тогда тебе не придется больше приезжать сюда», — говорит она, а я действительно люблю ее дом, старый фермерский дом, стоящий на невысоком холме, с двух сторон окруженный вековыми вязами. Шелест их листьев на ветру доносится в спальни на втором этаже. И ей нравится жить тут, в полном одиночестве. Два года назад она чуть не вышла замуж. «Еле-еле увернулась», — шутит Рэйчел.

Сидя в поезде, я прижимаюсь головой к спинке сиденья и смотрю, как за окошком мелькают зимние поля. В вагоне пусто, только несколько человек возвращаются домой пораньше из города на выходные. Небо серое, на горизонте виднеется пурпурная полоска. Здесь холодней, чем в городе. Это заметно по лицам людей, ждущих поезда на станциях. Тонкая струйка воздуха свистит через трещину в раме

моего окошка. Поезд похож на светящуюся капсулу, путешествующую по местам угольных месторождений.

По улице вдоль моего вагона семят двое парней в куртках с капюшонами. Но я не успеваю доехать до них, они ловко перепрыгивают через невысокую стенку и исчезают где-то за обочиной. Поезд ныряет в туннель из плотной живой изгороди. Летом в этом месте в вагоне свет становится зеленоватым и постоянно мерцает, как будто мы плывем под водой. Сейчас листья нет, и поэтому освещение совсем не меняется. Я даже вижу птичек между веток, оплетенных лозами.

Несколько недель тому назад Рэйчел заявила, что собирается разводить коз. И добавила, что огромный боярышник, который растет у нее в саду, идеально годится для того, чтобы козы на него забирались. Собака у нее уже есть, здоровая немецкая овчарка.

— А как же Фенно отнесется к твоим козам? — спросила я тогда.

— Наверное, просто спятит от счастья, — ответила она.

Интересно, а все козы умеют лазить по деревьям или только некоторые их виды? Я не поверила ей, пока она не показала мне фотографию, на которой коза ловко удерживала равновесие, стоя на ветке раскидистого кедра, а еще небольшая группа коз расположилась в ветвях белой шелковицы. Правда, ни на одной из фотографий нельзя было увидеть, каким именно образом козы туда забираются.

«С помощью копыт, Нора», — пояснила Рэйчел, хотя смысла в ее словах я так и не уловила.

По проходу движется женщина с тележкой, я покупаю батончик «Твикс» себе и «Аэро» для Рэйчел. Папа называл нас жадными девочками. «Точней и не скажешь», — говорила Рэйчел.

Я наблюдаю за тем, как за окошком проносятся поля. Сегодня вечером я расскажу ей о том, что собираюсь отправиться на учебу уже через два месяца, это будет в середине января. Двенадцать недель изучения литературы и искусства во Франции с полным проживанием и даже небольшой стипендией. Я подала заявку на участие, отправив свою пьесу, которую сочинила еще в университете и назвала «Жених-разбойник». Стыдно, конечно, что с тех пор ничего лучше я так и не написала, но сейчас это уже не имеет никакого значения, поскольку во Франции я обязательно сотворю что-то новое. Рэйчел порадует за меня и нальет нам по праздничному бокалу. А уже потом, за ужином, будет рассказывать мне всякие истории, которые случаются у нее на работе, а я ничего не скажу ей о пропавшей женщине в Йоркшире.

Поезд дает долгий и раскатистый гудок, когда проходит мимо меловых гор. Я пытаюсь припомнить, что именно собиралась приготовить на ужин Рэйчел. Я почти вижу, как она ходит по кухне, переставляя огромную миску с каштанами на край плиты. Кажется, это будет курица в вине и полента.

Рэйчел очень любит готовить, частично из-за своей работы. Она утверждает, будто ее пациенты

постоянно заводят разговоры о еде, поскольку сами уже не могут есть все, что им хочется. И поэтому часто спрашивают, что именно она готовит, а ей нравится давать им подробные ответы.

Глиняные крыши, металлические колпаки дымовых труб возвышаются над высокой кирпичной стеной, идущей вдоль рельсов и окружающей по периметру целую деревню. Рядом со стеной расположилось целое поле сухих кустарников и живых изгородей, с проходами внутри. У самого края поля стоит мужчина в зеленой шляпе и аккуратно сжигает мусор в костре. Ветерок подхватывает обугленные листья, поднимает их высоко в белесое небо — и вот они уже плавно парят в воздухе.

Я вынимаю из сумки папку с документами о собственности, которая сдается в Корнуолле. Ранним летом мы с Рэйчел снимали домик в Полперро. В рождественские праздники у нас обеих будет свободное время, и уже в эти выходные мы собираемся вместе с ней снять такой домик.

Полперро выстроен в складках прибрежного ущелья. Выбеленные известью дома с шиферными крышами гнездятся между крохотными извилистыми речушками. Между двумя утесами расположилась гавань, а за дамбой, во внутренней маленькой бухточке, вмещается с дюжину небольших парусных лодок. У причала, на самой границе с водой, построены дома и пабы. Во время отлива лодки во внутренней бухте лежат на боку в грязи и иле. На западном изгибе ущелья видны два квадратных дома местного торговца, один из коричневого кирпича,

другой из белого. Над ними на фоне неба высятся зонтичные сосны. Далее располагается небольшое владение рыбака, буквально врезанное в скалы. Его жилище построено из неотесанного гранита, так что в туманные дни оно сливается с камнями, окружающими его со всех сторон. Домик, который мы снимали, стоял на мысе в десяти минутах ходьбы от самого Полперро, а вела к нему частная лестница из семидесяти одной ступеньки, проходящая через утес прямо к берегу моря.

Я безумно люблю Корнуолл. Мне было двадцать девять лет, когда я поняла это. Корнуолл стал мне родным. Список того, что мне нравилось в нем больше всего, был длинным и далеко не полным.

Разумеется, это наш дом, сам городок, мыс Лизард, легенда о короле Артуре, который родился в нескольких милях дальше по берегу, в Тинтагеле. Это город Маусхоул. Как писала Дафна дю Морье, «Вчера мне снилось, что я опять в Мандерли»*. И правда, Корнуолл будет снится тем, кто в нем побывал. А еще площадки с перилами на крышах домов и с видом на море, и фотографии развалин, развешанные в пабах, и снимки местных жителей в длинных коричневых юбках и жакетах, кажущихся карликами рядом с разрушенными остовами зданий.

Этот список можно было дополнять каждый день. Я добавила туда зонтичные сосны и гостиницу «Крамплхорн». Корнуоллские пирожки и корнуолл-

* Цитата из «Ребекки». — *Примеч. ред.*

ский эль. Еще мне нравится плавать — и в открытом море и в тихих влажных пещерах, где вода капает с потолка. Моя любовь к Корнуоллу бесконечна.

— Здесь все лучше, — сказала я как-то.

— Ну да, — согласилась Рэйчел.

— А что тебе больше всего нравится в Корнуолле? — спросила я, и она застонала. — Тогда я скажу, что нравится мне.

— Ну для начала тут есть море.

Раз на то пошло, она любила Корнуолл куда больше, чем я, и восхищалась им гораздо сильнее. Но в последнее время она была сама не своя. Похоже, совсем замучилась на работе, буквально вымоталась до предела.

На следующей станции кондуктор предупреждает пассажиров о возможных задержках и опозданиях поездов завтра из-за надвигающейся снежной бури. Отлично, размышляю я, значит, будет метель.

Мы проезжаем очередной городок, где машины уже включили фары, желтые светящиеся кружочки света в приближающихся сумерках. Потом поезд объезжает живую изгородь из тополей и мчитя уже по прямой в Марлоу.

Рэйчел на станцию не пришла. Впрочем, тут нет ничего необычного. Она частенько дежурит в больнице допоздна. Я уйду с платформы, в слабом сумеречном свете мне кажется, будто крыши городских домов уже припорошил снежок. Я покидаю деревню и направляюсь к ее дому, вышагивая по узкой ленте бетонной дороги, бегущей между редкими фермами.

Интересно, она выйдет встречать меня вместе с Фенно? Бутылка красного вина с каждым шагом тихонько бьет меня по спине. Я представляю себе кухню в доме Рэйчел. Вот миска с каштанами, а вот и полента закипает, пузырится на плите. Ко мне подъезжает машина, я отступаю на обочину. Приблизившись, машина замедляет ход. Сидящая за рулем женщина кивает мне, и автомобиль снова начинает увеличивать скорость.

Я иду быстрее, пытаюсь согреться, руки в карманах сжаты в кулаки, чтобы не мерзли пальцы. Над головой сгущаются тучи, и от окружающей меня тишины звенит в ушах.

Но вот в поле зрения появляется и дом Рэйчел. Я взбираюсь на холм, под ногами хрустит щебень. Ее машина припаркована возле дома. Сама она, наверное, уже пришла с работы. Я открываю дверь.

И отшатываюсь, даже не осознав, что произошло. Меня буквально сбивают с ног.

Первое, что я вижу, — собака. Она свисает на поводке с верхней лестничной площадки. Шнур поводка поскрипывает, и собака медленно раскачивается. Я понимаю, это очень плохой знак, но это слишком невероятно. Разве такое возможно?

Поводок намотан на стойку перил. Наверное, пес свалился, запутался и сам удавился. Но на полу и стенах я замечаю кровь.

Мне не хватает воздуха, я задыхаюсь, а вокруг тишина. Надо срочно что-то предпринять, но я не знаю что... и почему-то не зову на помощь Рэйчел.